

Горский В. В. Страница из истории православной русской миссии в Китае: Монголия. (Письма миссионера) [В. В. Горского к родителям и А. В. Горскому: письмо ХХІХ, 28 августа 1840 г.] // Богословский вестник 1898. Т. 2. № 4. С. 61–80 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Страница изъ исторіи православной русской миссіи въ Китаѣ.

(Письма миссіонера).

М О Н Г О Л І Я.

ХХІХ.

28-е августа 1840 года.

Монголія. Халхаскій округъ, станція Чибиचितь.

Изъ за тридевять земель, изъ тридевятаго царства, — изъ пустынь Великой Гоби, куда только воронъ, кочующій монголь, да Пекинскіе миссіонеры заносятъ кости свои, — летитъ, или, лучше сказать, тащится мое посланіе къ вамъ. Не дивитесь только, что письмо мое будетъ такъ же безжизненно, однообразно, скучно и утомительно, какъ степь, которая окружаетъ меня. Что дѣлать? Человѣкъ во многомъ подчиняется и подражаетъ природѣ; а слова здѣшной природы, — совершенной могилы, — не слишкомъ привѣтны и веселы! Итакъ, напередъ васъ прошу запастись терпѣніемъ, котораго, въ правду сказать, въ запасѣ у насъ осталось въ самомъ умѣренномъ количествѣ, и не слишкомъ скучать за чтеніемъ такого длиннаго посланія, какъ наша дорога отъ Петербурга до Пекина; кстати еще замѣтить, — прошу не сердиться, если мой рассказъ будетъ такъ же черствъ, какъ сухарь, который мы теперь ѣдимъ, и безпорядоченъ, какъ излучина, по которымъ ведутъ насъ монголы. Дѣло походное, — чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! Умѣнья мало, а за усердіемъ дѣло не встанетъ. Я теперь кочующій человѣкъ: а вы сами знаете, что кочевые народы большіе болтуны; они, какъ празднику, рады первому попавшемуся случаю наѣсться до отвала и наболтаться до сыта. Итакъ, кончивши всѣ свои предисловія, съ вашего позволенія, я на-

чинаю свой рассказъ о нашемъ походномъ житьѣ-бытьѣ!

Наши дни, какъ столбы фонарные, всѣ на одинъ маперъ! Каждое утро, часа въ четыре, около юртъ, въ которыхъ покоятся бранныя наши тѣла, подымается ужаснѣйшій шумъ, какъ будто цѣлая армія собралась атаковать ихъ. Цѣлый табунъ лошадей является на смотръ, и съ ихъ появленіемъ, занавѣсъ подымается, и начинается первое дѣйствіе нашей каждодневной трагикомедіи. Толпа казаковъ съ длинными жердями, на верхушкѣ которыхъ прикрѣплены арканъ, бросаются въ кучу коней, и тутъ начинается потѣха! Весь табунъ приходитъ въ ужасное волненіе, лошади бросаются взадъ и впередъ, жмутъ, толкаютъ другъ друга, бьютъ копытами, машутъ гривами, ржутъ, роютъ землю и наконецъ дѣлаются плѣнницами казака, который безстрашно кидается въ ихъ ряды. Но бываетъ часто, что заарканенная лошадь еще долго, цѣлыя версты, тащитъ своего противника, и только послѣ отчаяннаго боя, — истощивши всѣ свои силы и всю хитрость, — какъ овца, послушно отдается въ его волю. Какъ видите, начало самое живое, картинное и шумное, однимъ словомъ, самое приличное для любой нынѣшней французской драмы. Само собою разумѣется, что во время такой шумной операціи, которая иногда продолжается часа два, невольно пробудишься отъ самаго крѣпкаго сна; юрты, мало по малу, начинаютъ оживать; изъ подъ войлочныхъ дверей, по временамъ высовываются любопытныя и нетерпѣливыя головы, которымъ поскорѣе хочется разрѣшить для себя два важныхъ вопроса: какая погода? холодно или тепло? пасмурно или ясно? и главное: скоро ли будетъ самоваръ, этотъ первый и главный возбудитель нашей застывающей жизни? На походномъ столѣ является давно желанный гость, и вотъ наша жизнь въ полномъ разгарѣ. Подъ клокотъ горячей воды раздается шумный говоръ и смѣхъ; никто не думаетъ о трудности или дальности предстоящаго переѣзда, о томъ, что мы не въ Руси и подъ роднымъ небомъ; все такъ весело и искренно, какъ будто и въ степяхъ Монголіи мы отыскали родимый уголокъ, и мы еще какъ будто живемъ старою русскою жизнью. Но непродолжительна минута радостнаго очарованія: исчезаетъ самоваръ, памятникъ нашей осѣдлой, городской жизни, и тутъ невольно вспомнишь, что мы кочуемъ, что

мы сейчасъ должны снять свой станъ. Толпа оборванныхъ, грязныхъ монголовъ бросается на жалкія ваши убѣжища отъ холода и непогоды, въ одинъ мигъ войлоки исчезаютъ, стѣнки сдвигаются, и тамъ, гдѣ была юрта, остается одна только зола отъ сгонька, горѣвшаго по срединѣ, да куча угольковъ; жалкій, непрочный памятникъ! онъ пролежитъ только до перваго вѣтра, который безжалостно унесетъ и послѣдніе слѣды нашего кратковременнаго пребыванія. Во время нашей перекочевки и самая степь оживаетъ; но потомъ снова все становится пустынею, и мелькнувшая жизнь исчезаетъ такъ же быстро, какъ молнія.

Разобранныя юрты тотчасъ же навьючиваютъ на верблюдовъ. Это животное въ здѣшнемъ краю, при здѣшнемъ образѣ жизни, настоящее сокровище. Верблюдъ, выросши между людьми, такъ послушенъ имъ и такъ привыкъ къ ихъ власти, что монгольскій ребенокъ, не болѣе пяти лѣтъ отъ роду, едва отдѣляющійся отъ земли, ведетъ за собою на веревочкѣ нѣсколько верблюдовъ. Пойманнаго верблюда подводятъ къ тяжести,—скажутъ: „сокъ“, и отъ одного этого звука, не имѣющаго никакого смысла, онъ медленно раскачивается, смирно падаетъ на колѣни, ложится на землю; тогда спокойно накладываютъ на него тяжести, не боясь никакого сопротивленія. При силѣ, которою владѣетъ этотъ звѣрь (какъ говорятъ наши казаки), надобно удивляться его терпѣливости. Привяжите его хоть къ пруту, къ травѣ,—онъ не тронется съ мѣста: для него довольно и того, что онъ привязанъ. Стягивайте его какъ хотите, онъ не будетъ биться, только крикомъ своимъ, который, надобно признаться, довольно непріятенъ, выразитъ своему хозяину, что ему больно, или что тяжесть выше силъ его.

Когда уберутъ наши юрты, когда заложать лошадей въ повозки, мы двигаемся съ мѣста цѣлымъ таборомъ. Впереди насъ тянется длиною вереницею обозъ, состоящій изъ 90 и болѣе повозокъ, за нимъ важнымъ, гусинымъ маршемъ выступаютъ верблюды; далѣе наши экипажи съ русскими колокольцами, которые такъ же пріятно звучатъ, какъ и въ нашей матушкѣ Руси, и звукомъ своимъ напоминаютъ о нашихъ дорогахъ, объ ухарскихъ тройкахъ, лихихъ ямщикахъ и заливыхъ сердечныхъ пѣсняхъ. Въ заключеніе этого тор-

жественнаго шествія—цѣлая кавалькада всадниковъ, въ числѣ которыхъ вы увидѣли бы и меня на лихомъ бѣгунцѣ. Въ Монголіи, этой странѣ наѣздниковъ и наѣздничества, невольно я самъ сдѣлаешься наѣзникомъ. Ѣхать верхомъ несравненно выгоднѣе для насъ, нежели въ повозкѣ. Сидя на конѣ, лучше можно обозрѣвать окрестности, любоваться видами, по произволу сворачивать съ дороги. Надобно, впрочемъ, сказать правду, что монголы, сопровождающіе насъ, если не воспрепятствуютъ, то по крайней мѣрѣ, слѣдятъ за нами при всякомъ уклоненіи отъ тракта и любятъ замѣчать всѣ наши дѣйствія. Для нихъ довольно странно видѣть, что мы собираемъ цвѣты и растенія, накалываемъ насѣкомыхъ на булавки. По своему Буддійскому вѣрованію, проповѣдующему переселеніе душъ, они считаютъ ужаснымъ грѣхомъ умерщвлять живыя существа. Самое ничтожное насѣкомое, въ глазахъ монгола, есть вещь если не священная, то по крайней мѣрѣ неприкосновенная. Мнѣ самому нѣсколько разъ удавалось видѣть, съ какимъ сожалѣніемъ и вмѣстѣ трепетомъ смотрѣли ламы, когда я прикалывалъ какогонибудь жучка, какъ будто я вонзалъ на булавку душу когонибудь изъ предковъ ихъ. Трудно согласить съ такимъ взглядомъ ихъ на природу то хладнокровіе, съ которымъ каждый лама и монголъ смотритъ на домашнихъ животныхъ, которыя и по своимъ услугамъ человѣку, и по своей несравненно высшей и развитой организаціи, заслуживаютъ въ нашихъ глазахъ большаго сожалѣнія, нежели какоенибудь насѣкомое. Еще непонятнѣе, какъ религія, проповѣдующая метаморфозъ въ самой высшей степени, религія, строго предписывающая падать жизнь всякаго существа, такъ ясно и такъ всеобще нарушается въ одномъ изъ главныхъ своихъ догматовъ безъ всякаго вреда для своего существованія. Это отвращеніе отъ пролитія крови въ монголахъ очень сильно. Самые монгольскіе чиновники, сопровождающіе насъ въ путешествіи, въ этомъ случаѣ раздѣляютъ чувства съ простыми монголами.

Переѣзды наши бываютъ неодинаковы: иногда станція не болѣе версты двадцати, а иногда версты сорокъ. Вообще, наше путешествіе совершается не скоро, хотя и не медленно. Большую часть дня, отъ десяти часовъ до трехъ или четырехъ мы бываемъ въ пути. Солнце,

своими почти отвѣсными лучами жжетъ прямо въ темя и обливаетъ кипяткомъ. Жаръ на лицо и вообще на кожу дѣйствуетъ такъ-же разрушительно, какъ и морозъ. Лицо начинаетъ лупиться, и на обожженномъ, точно такъ же, какъ и на обмороженномъ мѣстѣ, является короста. У меня обгорѣли уши, и теперь наша миссія походитъ на коллекцію жареныхъ и полусожженныхъ раковъ. Послѣ этого вы можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ еще издали стараемся мы разглядѣть, гдѣ въ какой счастливой странѣ, бѣлѣютъ наши юрты, и съ какимъ восторгомъ, завидѣвши ихъ, мчимся къ нимъ на коняхъ, и примчавшись, прямо бросаемся на войлоки или на грудь нашей общей матери, сырой земли.

Тутъ снова является нашъ походный пенатъ, — первый нелицемѣрный другъ нашей дороги, нашъ родимый, русскій самоваръ, и каждый стаканъ, каждая капля душистаго напитка дороже для насъ, нежели нектаръ и амброзія боговъ Гомера. Надобно измучиться усталостію и истомиться жаждою, подобно намъ, чтобы понять всю прелесть и пользу чая, — чтобы имѣть право сказать: я знаю вкусъ въ чаю! Жаръ и усталость сами по себѣ въ высшей степени возбуждаютъ жажду; но эта жажда еще болѣе усиливается отъ того, что мы на половинѣ своей дороги обыкновенно закусываемъ, и закуска большею частію бываетъ соленая, потому что ничто прѣсное не можетъ сохраниться отъ разрушительнаго вліянія зноя. Только за стаканомъ чаю, мы, сказать по русски, отводимъ свои душеньки. Собравшись съ духомъ, мы, если позволить время, гуляемъ по окрестностямъ и часовъ въ 8 или 9 вечера собираемся за походный ужинъ и обѣдъ вмѣстѣ. Удовлетворивши главнымъ и неизбѣжнымъ требованіемъ физической природы, мы мало по малу переносимся изъ міра вещественнаго въ міръ мечты и воспоминаній; и тѣ краткія мгновенія, въ которыхъ духъ можетъ свободно расправить свои крылышки и вольною птицею летѣть, куда ему хочется, иногда выкупаютъ тяжесть и скуку дневнаго странствованія. Какъ сладко хотъ на минуту погрузиться въ самого себя, совсѣмъ позабыть все окружающее и изъ отдаленнаго края, хотя въ мечтѣ, перенестись подъ родное небо, — на берега матушки Волги. Наши мечты, какъ магнитныя стрѣлки, всегда стре-

мятся къ Сѣверу, и только какъ на противоположность называютъ на югъ, точно такъ-же, какъ и у магнитной стрѣлки другой, противоположный конецъ всегда обращенъ на югъ. Такъ мы носимся или, лучше сказать, колеблемся между двумя полюсами, и это колебаніе долго-долго не кончится.

Человѣкъ въ одиночествѣ всегда предастся самомышленію и мечтамъ; а гдѣ можно быть болѣе одинокимъ, какъ не въ степяхъ Монголіи, гдѣ природа удѣлила жизнь самымъ аптекарскимъ вѣсомъ, только гранами и унціями? Но и въ самой пустынѣ наша мысль и фантазія найдеть себѣ пищу; и ночь монгольская можетъ быть богатымъ предметомъ для воображенія. Въ самомъ дѣлѣ,—ночи Монголіи во многихъ отношеніяхъ могутъ назваться прекрасными. Здѣшнее небо, по большей части, ясно и безоблачно, и надобно признаться, что я никогда еще не видалъ звѣзднаго неба въ такомъ удивительномъ великолѣпіи, какъ въ степяхъ Монголіи. Возвышенность мѣста, а главное, необыкновенная чистота и прозрачность здѣшняго воздуха, приближаютъ самыя отдаленныя звѣзды; а обширность горизонта на открытыхъ степяхъ необыкновенно увеличиваетъ и расширяетъ кругъ зрѣнія. Каждый почти вечеръ можно любоваться такимъ зрѣлищемъ, и я всегда на безконечной равнинѣ неба отыскиваю свое любимое и родное созвѣздіе—сѣверную медвѣдицу. И какъ отрадно въ пустынѣ, гдѣ такъ мало жизни, гдѣ все грустно и дико, видѣть надъ головою своею цѣлыя міры, которые кипятъ жизнію и изъ-за тысячь милліоновъ верстъ, изъ безконечнаго для насъ пространства, привѣтно льютъ свои лучи на насъ, жалкихъ странниковъ! Можно даже подивиться, какъ въ древнія времена монголы не сдѣлались сидеристами, когда звѣзды могли быть единственными руководителями ихъ по безконечнымъ степямъ, и когда онѣ однѣ въ этихъ дикихъ мѣстахъ—единственные проповѣдники міровой жизни, красоты и величія вселенной. У нихъ ни въ древнія, ни въ новыя времена не цвѣли ни астрологія, ни астрономія. Монголь равнодушно смотритъ на милліоны звѣздъ, блестящихъ на его родномъ небѣ, и въ его головѣ никогда не рождается вопросъ о началѣ, цѣли и законахъ бытія этихъ свѣтилъ! Въ дополненіе той величественной картины, которую мнѣ удастся видѣть каждый день, и которой я не

могу передать вамъ, вообразите себѣ пять юртъ на обширномъ, можно сказать, безбрежномъ, ровномъ пространствѣ, которыя, какъ пять какихъ нибудь острововъ на океанѣ, тонуть въ безконечномъ безбрежии; костры огней, ярко горящихъ вокругъ обоза, гдѣ наши казаки лежатъ или сидятъ въ самыхъ живописныхъ группахъ и вспоминаютъ о своемъ родномъ краѣ или поютъ свои заветныя пѣсни; десятокъ монголовъ, которые дозоромъ объѣзжаютъ нашъ станъ и своими окликами и пѣснями или своею молитвою: „Омъ ма пи батъ ме хомъ“ будятъ безмолвіе; вообразите себѣ вокругъ пустыню, совершенно дикую и безжизненную, густой непроицаемый мракъ, какой-то странный мертвенный сонъ, непонятный для насъ, жителей городскихъ; а сверху надъ головою вашею—куполь, озаренный тысячами, милліонами тысячъ, самыхъ блестящихъ лампъ; прибавьте къ тому это странное смѣшеніе людей, совершенно разныхъ между собою по виду, политическому бытію, религіи, образу мыслей, чувствованій, жизни, иногда странное сліяніе веселыхъ русскихъ напѣвовъ съ монгольскими,—и вы сами поймете, что здѣсь, при видѣ такой картины, можно призадуматься и размечтаться. И лежа на своемъ походномъ войлокѣ, въ закрытой юртѣ, гдѣ такъ темно, какъ будто въ могилѣ, я люблю воскрешать въ своемъ воображеніи эту единственную въ своемъ родѣ картину и часто, прислушиваясь къ меланхолическихъ напѣвамъ разѣзжающаго монгола, я съ мыслию о васъ и родинѣ засыпаю мирнымъ и сладкимъ сномъ тамъ, гдѣ нѣкогда готовились для насъ рабство, позоръ и мука, гдѣ еще свѣжо преданіе о Чингисханѣ и его грозныхъ набѣгахъ и походахъ, гдѣ тысячи мѣсть, такъ сказать, наполнены славою имени его, гдѣ еще толпами бродятъ его родичи и его потомки; засыпаю подъ сторожевые оклики того народа, который нѣкогда, какъ язва, какъ громъ Божій, упалъ на насъ и въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій шилъ нашу кровь! Было время, когда одно слово „монголъ“, когда одно воспоминаніе о немъ, наводило ужасъ на русскаго, и сонъ далеко бѣжалъ отъ глазъ его. Какъ все измѣнилось! Такъ начинается и такъ оканчивается у насъ каждый день и каждая ночь!

Нашъ дорожный бытъ въ общихъ и главныхъ чертахъ всегда одинаковъ и неизмѣненъ. Смѣняются мѣста,

виды, декораціи, но не жизнь! Въ частности, довольно, впрочемъ, важныхъ, есть много разницы; и въ этомъ случаѣ наше странствованіе до сихъ поръ, можно раздѣлить на двѣ половины, которыя рѣзко между собою отличаются. До Урги нашъ станъ походилъ на цыганскій странствующій таборъ; отъ Урги по степи мы походимъ на кочевыхъ монголовъ. Наши цыгане обыкновенно для своего табора выбираютъ мѣста привольныя. Они располагаются или въ лѣску, гдѣ хоть ручей какой-нибудь журчитъ по камешкамъ, или на берегу какой-нибудь рѣчки. Такъ дѣлали и мы! До Урги вездѣ разбивали мы свои шатры на берегахъ рѣчки или по крайней мѣрѣ ручья. Первомъ долгомъ нашимъ, по пріѣздѣ на станокъ, было искупаться и такимъ образомъ освѣжиться въ водѣ отъ зноя и усталости; прѣсной и свѣжей воды у насъ было всегда въ изобиліи. Самая природа была величественнѣе и живѣе. До самой Урги дорога идетъ по горамъ и хребтамъ, которые безконечными цѣнями, въ видѣ линій, большею частию неправильныхъ и изломанныхъ, тянутся отъ востока къ западу и своими отрогами наполняютъ всю эту страну, разнообразятъ ее своими скалами и пиками, которые, какъ исполины, еще издали показываются изумленному глазамъ и своими нависшими гранитными толщами, кажется, готовы раздавить каждого, кто только осмѣлится приблизиться къ нимъ. Одни изъ нихъ покрыты вѣковыми соснами и березами, гдѣ въ не возмущасмыхъ нѣкѣмъ лѣсахъ цѣлыми стадами живутъ дикія козы; по отлогамъ скалъ, какъ бахрома, вьется персиковый (?) кустарникъ, а у подошвы хребта обыкновенно стелется долина, часто, какъ бархатомъ, покрытая зеленью, на которой мѣстами видны монгольскія стада и юрты. Иногда горы принимаютъ видъ какихъ-то фантастическихъ зданій, воздвигнутыхъ еще въ тѣ древнія и дивныя времена, когда на землѣ жили кудесники и феи, когда земля и весь міръ походили на заколдованный рай чудесъ; или скалы, въ прихотливомъ безпорядкѣ набросанныя одна на другую, походятъ на развалины рыцарскихъ замковъ, когорые, въ средніе вѣка, какъ гнѣзда хищныхъ птицъ, лѣпились на утесахъ; часто пики горъ теряются въ туманѣ и облакахъ и при закатѣ солнца принимаютъ необыкновенно разнообразную и красивую форму всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ

въ призмѣ. Здѣсь, куда ни посмотрите, вездѣ увидите только хребты и скалы, пагроможденные одна на другую! Самая почва земли необыкновенно высокая; и вы не почтете страннымъ, когда я скажу вамъ, что мнѣ удавалось, буквально говоря, ходить въ облакахъ, что облака иногда покрываютъ почти самыя долины, и наполняютъ ихъ своимъ влажнымъ инеемъ и паромъ.

Отъ Кяхты до Урги — менѣе трехъ сотъ верстъ, но и на такомъ небольшомъ пространствѣ, которое еще болѣе сократится, если провести прямую линію отъ одного мѣста до другого, вся масса земли поднялась болѣе нежели на полторы тысячи футовъ. Еще удивительнѣе, чрезъ какое огромное пространство тянется это возвышеніе. Отъ самаго Томска и чѣмъ ближе къ Барабинской степи, — почва земли пачинаетъ возвышаться, и горы болѣе и болѣе растутъ, такъ что около Иркутска нѣкоторыя изъ нихъ уже превращаются въ вѣчные гольцы. Впрочемъ, надобно замѣтить, что окружающія Байкаль и Саянскіе гольцы, взятыя сами по себѣ, несравненно выше монгольскихъ, какія мы видѣли; но взятыя въ цѣлой массѣ, онѣ уступаютъ имъ въ высотѣ, потому что почва земли, на которой возвышаются онѣ, несравненно ниже здѣшней. Наши Байкальскія горы часто возвышаются отдѣльными, чрезвычайно высокими пиками и конусами; между тѣмъ здѣшнія, по большей части, представляются въ видѣ холмовъ, расположенныхъ одинъ на другомъ, и для того, чтобы понять высоту ихъ, нужно взобраться на самый верхній, и только тогда откроется предъ вами высота того мѣста, на которое поднялись вы. Еще мнѣ кажется, что Байкальской природѣ нужно отдать преимущество предъ монгольской и въ самомъ величій и разнообразіи. Проѣхавши верстъ пятьдесятъ по Монголіи, вы увидите всѣ виды здѣшнихъ горъ, ихъ направленіе, формацію; такимъ образомъ, и красота ихъ, сдѣлавшись однообразною отъ частаго повторенія, наскучиваетъ и теряетъ всю прелесть. За то за Ургою эта невыгода исчезаетъ, но, въ свою очередь, смѣняется новою, несравненно скучнѣйшею и тягостнѣйшею. Миновавши, можно сказать, послѣдній хребетъ, который высится въ глазахъ самой Урги и который, по справедливости, называется Хачъ-Олою, т. е. Царственною горою, вы уже, на

всемъ пространствѣ отъ Урги до Калгана (?) не встрѣтите такихъ хребтовъ ни по живописности своей природы, ни по высотѣ своихъ вершинъ. Отъ Урги почва земли начинается опять возвышаться, но уже не въ видѣ горъ и хребтовъ, а—долинъ, уваловъ и дебрей, которыя террасами подымаются одна надъ другою; неровности земной поверхности мало по малу начинаютъ сглаживаться, и только холмы еще встрѣчаются, какъ будто буря, взволновавшая земную кору, когда она еще была въ жидкомъ, растопленномъ состояніи, стала здѣсь стихать и медленно начала катить волны землянаго моря.

Впрочемъ, не съ самой Урги начинается совершенная степь; на пространствѣ верстъ двухъ сотъ мѣстами, особенно на востоку, виднѣютъ я иногда еще горы значительной высоты; особливо одна изъ нихъ, лежащая при самой нашей дорогѣ, извѣстная подъ именемъ Дарханъ, замѣчательна и по своей величинѣ, и по своей формѣ, и по преданіямъ, которымъ украсилъ это исполина досуже воображеніе и чувства народнаго гордости празднаго и ко уюда о монгола. Одиноко, какъ орелъ, какъ изгнанникъ изъ отчизны, стоитъ въ пустынѣ Дарханъ; но далекъ виднѣются гранитныя верхи его; какъ лавны покрытъ онъ камнями и скалами, которыя въ видѣ лица окружаютъ его въ длину; его дикія неприступныя скалы не покрыты ни травою, ни мхами; онъ грозно, какъ тучи нависли надъ землею и кажется, хотѣть подавить ее своею тяжестью, а не приять отъ нея сѣмена жизни. Внутри ея глубокая впадина, имѣющая направленіе отъ запада къ востоку. Полтора часа безъ отдыха я взбирался на вершину ея; но труды мои были не напрасны: съ высоты Дарханъ раскрылась предо мною и степь, и ургинскія горы, и Ононь и Хурлупъ (?). Впрочемъ, эти горы дороги для монголовъ не по красотѣ своей, а по воспоминаніямъ о временахъ своего могущества и славы. У подошвы этого каменнаго хребта почивалъ Чингисханъ еще въ тѣ времена, когда онъ еще былъ только на пути къ своему величію. По словамъ монголовъ, онъ часто взбирался на эту гору, съ которой виднѣлась на западѣ безграничная степь. При видѣ такой безпредѣльности, и въ немъ разгоралась дума о безпредѣльномъ владычествѣ. И тогда онъ уже задумывалъ, какъ бы сдѣлаться ему владыкою цѣлаго міра и весь міръ

сдѣлать такую же степью, какъ его родное кочевье. Монголы говорятъ, что здѣсь на одной горѣ Чингисханъ на желѣзной наковальнѣ ковалъ оружія, которыми покорилъ всѣхъ. Они такъ увѣрены въ истинности этого преданія, что и теперь еще утверждаютъ, будто и по нынѣ эта наковальня еще хранится на вершинѣ, какъ вѣчный памятникъ великаго героя, и никакими доказательствами нельзя разуверитъ ихъ.

Миновавши Дарханъ, вы уже не встрѣтите горъ: предъ вами, за вами и вокругъ васъ—одна степь да небо, небо да степь. Изрѣдка дорога пресѣкается увалами, но и тѣ въ отдаленіи сливаются въ одну необозримую плоскость, на которой напрасно будете отыскивать слѣды хоть какой-нибудь жизни. Кой-гдѣ виднѣется бѣдная юрта монгола и нѣсколько овецъ вокругъ его жалкаго жилища; кой-гдѣ пронесется на своемъ лихомъ конѣ Гобійской бедуинъ—и болѣе ничего. На всемъ этомъ огромномъ пространствѣ вы не встрѣтите ни свѣжей зелени, ни кустовъ, ни деревьевъ, ни рѣкъ, ни ручьевъ. До Урги природа еще богата была растеніями и во многомъ походила на Чикойскую (которую мнѣ удалось видѣть во всей красѣ). Часто цѣлая долипа была усѣяна розовою гвоздикой, дельфиніею и другими цвѣтами, которые могли-бы быть украшеніемъ лучшихъ нашихъ садовъ. Послѣ Урги картина совершенно измѣнилась. Самая трава, необходимое пропитаніе скота, растетъ рѣдкими кустами; почва земли—песчаная съ мелкимъ хрящемъ; какія же растенія могутъ цитаться на такой дровѣ? Если же что и выросло, то сгорѣло отъ зноя, отъ котораго здѣсь нельзя найти никакой защиты. Потому то Гоби такъ бесплодна, и по справедливости ее можно назвать пустынею смерти, юдолю плача. Только воронъ да орелъ вьются надъ головою вашею, только ящерица ползетъ подъ ногами. При видѣ такой мертвенности, невольно грусть падетъ на сердце, и мрачныя думы, какъ коршуны на трупъ, нападутъ на васъ; надобна большая твердость духа, чтобы не сдѣлаться жертвой унынія и своего собственнаго ображенія, которое при такомъ зрѣлищѣ рисуетъ самыя безотрадныя картины. При всемъ моемъ желаніи и при всѣхъ попыткахъ вести дневной журналъ, я никакъ не могъ осуществить своего намѣренія. Все такъ однообразно, без-

различно и безжизненно, что вы не уловите ни одного предмета, который хотя на минуту могъ бы приковать ваше вниманіе. На пространствѣ версты 500 только одно мѣсто нашли мы достойнымъ замѣчанія, — это развалины какого-то монгольскаго палаца, какъ говоритъ Тимковскій. Нарзстояніи одной версты отъ того мѣста, гдѣ мы кочевали на вѣ восточной сторонѣ лежатъ эти развалины. Пространство ихъ въ длину будетъ не болѣе полуверсты, въ ширину — сажень восемьдесятъ, въ окружности — версты полторы. На всемъ этомъ протяженіи въ довольно строгой симметріи лежатъ кучи обрушившихся зданій, изъ которыхъ одни совершенно утратили свою форму, другія еще что то сохранили изъ своего первобытнаго вида; вообще, впрочемъ, время ли или какія-нибудь несчастныя обстоятельства, только что то налегло всею тяжестію своею на эти жалкіе памятники жизни и дѣлъ прежнихъ обитателей здѣшняго мѣста и почти совершенно сокрушило ихъ. Сколько можно догадываться по уцѣлѣвшимъ формамъ нѣкоторыхъ зданій, это былъ какой-нибудь монастырь, построенный на скатѣ небольшого довольно отлогаго холма, построенный въ видѣ четверугольника, но не квадрата. На лицевой, обращенной къ югу, линіи видны остатки какихъ то башенъ, которыя должны были находиться въ оградѣ монастыря и сами составляли ее; средняя изъ нихъ особенно отличается своею шириною и высотой; вѣроятно, она служила главнымъ входомъ въ обитель; за этой линіей въ срединѣ четверугольника осталось четыре зданія, правильно и въ линію расположенныхъ. По всей вѣроятности это были четыре кумирли; догадка эта подтверждается тѣмъ, что развалины эти всѣ имѣютъ крестообразный видъ, а извѣстно, что Буддѣйскіе храмы строятся точно такъ же, какъ и наши; притомъ же на уцѣлѣвшемъ полу одного не видно никакихъ слѣдовъ перегородокъ и различныхъ отдѣленій, какія обыкновенно бываютъ въ жилыхъ комнатахъ. Вокругъ и назади этихъ развалинъ видны остатки другихъ зданій, которыя уже болѣе имѣютъ видъ четверугольниковъ или обыкновенныхъ домовъ; должно думать, что въ нихъ помѣщались ламы, принадлежавшіе къ этимъ кумирнямъ. Высота и обширность нѣкоторыхъ зданій, очень замѣтныя и въ самыхъ развалинахъ, доказываютъ, что всѣ эти строенія, по

всему составлявшія одно цѣлое, были довольно величественны. Матеріаль, изъ котораго построены они, — какой-то песчаный или..... камень, вытесанный въ видѣ плитъ и кирпича величиною въ четверти полторы или болѣе, а шириною вершка въ три; впрочемъ, камни, эти худо выдѣланы (потому что они при одномъ ударѣ разсыпаются) и связаны между собою песчанымъ цементомъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ видно что-то въ родѣ штукатурки. Когда и кѣмъ воздвигнутъ этотъ монастырь, и что довело его до такого разрушенія, — на эти вопросы нельзя дать отвѣта. Повидимому, богатство этихъ зданій, построенныхъ изъ камня и кирпичу, что можетъ назваться рѣдкостью въ Монголіи (въ самой Ургѣ, мѣстѣ торговомъ и богатомъ, каменнаго или кирпичнаго мы не нашли ни одного зданія), чрезвычайное разрушеніе, которое почти истребило всѣ слѣды ихъ прежняго существованія, и то, что не сохранилось даже преданія у монголовъ о ихъ началѣ и разрушеніи, все это, повидимому, доказываетъ древность этихъ остатковъ. Впрочемъ, надобно замѣтить, что и не во времена древняго могущества, но и въ гораздо позднѣйшія могли быть люди богатые изъ монголовъ, которые всегда въ состояніи соединенными силами соорудить такое зданіе: бѣдный монголь готовъ жертвовать всѣмъ на дѣло религіозное. Степень разрушенія этихъ зданій можетъ доказывать величіе силы, дѣйствовавшей на нихъ разрушительно, но не одну продолжительность времени; не мудроно, что и монголы не сохранили никакого преданія объ этомъ монастырѣ; они не живутъ постоянно на одномъ мѣстѣ, а кочуютъ, и потому у нихъ очень легко могла исчезнуть и самая память объ этомъ мѣстѣ. Всего вѣроятнѣе, что это зданіе было воздвигнуто уже во времена позднѣйшія, именно во времена уже китайскаго владычества надъ Монголіею. Въ нѣкоторыхъ развалинахъ мы находили обломки драконовыхъ изображеній, а это уже знакъ китайскій.

Но въ сторону всѣхъ разсужденія и предположенія, — опи скучиѣ самой степи! Гоби разрушительно дѣйствуетъ не на одинъ духъ, но и на самое тѣло. Представьте себѣ, что мы отъ самой Урги до здѣшней станціи не пивали свѣжей рѣчной воды, не сожгли ни одного полѣна! Вотъ двадцать дней, какъ мы простились съ послѣднею рѣкою на нашемъ пути,

только и пьемъ воду изъ колодезь и озеръ и даже не знаемъ, когда намъ удастся выпить лишь стаканчикъ хорошей воды. Обыкновенно мы достаемъ себѣ воду изъ колодезь; но вода въ нихъ гадкая. Дорога, по которой насъ ведутъ, по большей части удалена отъ монгольскихъ кочевьевъ; потому если мы находили на станціяхъ колодцы, наполненные водою, то вода эта, оставленная безъ всякаго употребленія, затхлая и протухлая. Бываютъ, впрочемъ, наши станціи и подлѣ кочевьевъ; но за то въ тѣхъ колодцахъ отъ того, что тутъ монголы поятъ свой скотъ, вода грязная и съ сильнымъ навознымъ запахомъ. Мѣстами попадаютъ ключи, но съ сѣрною и горькою водою. Всѣ озера, какія мы только встрѣчали на пути, всѣ гуджирныя, т. е. соленыя, и вода въ нихъ хуже морской, и потому мы ей всегда предпочитали колодезную. Какой у насъ бываетъ праздникъ, когда мы найдемъ воду нѣсколько сносную. Воля при нашемъ образѣ жизни—вещь чрезвычайно важная! но впереди будутъ станціи двѣ или три вовсе безводныя. Другое неудобство то, что мы должны употреблять арчалъ (коровій калъ) вмѣсто дровъ. Ночи въ степи очень холодны, и нужда заставляетъ разводить огонь въ юртѣ; но отъ арчалу дымъ ѣдкій для глазъ и противный по запаху... А что если на степи, на такомъ обширномъ и ровномъ пространствѣ, гдѣ нѣтъ никакой защиты отъ вѣтра, гдѣ онъ, какъ царь, свободно гуляетъ по равнинамъ, что если случится буря? Монгольскіе ураганы не любятъ шутить. При первомъ сильномъ порывѣ наши юрты и войлоки—все на воздухъ! Такъ четвертаго августа, на послѣдней станціи передъ Ургою, мы расположились своимъ кочевьемъ на обширной равнинѣ. День былъ прекрасный; я лежалъ въ своей юртѣ на войлокѣ и переносился мыслями въ край родимый. Не знаю, долголи я былъ въ такомъ сладкомъ самозабвеніи,—только отдаленный громъ вывелъ меня изъ міра мечтаній и воспоминаній, я всталъ и сѣлъ у дверей своей юрты; съ отдаленныхъ горъ ужасная туча быстро спускалась въ долину; молнія была необыкновенно часта, а громъ рѣшительно не умолкалъ ни на минуту, и его раскаты страшно отдавались въ горахъ и наводили невольный ужасъ. Во время дороги мнѣ уже не разъ удавалось видѣть грозу, но тогдашняя туча была такъ сильна, величественна и вмѣстѣ

грозна въ своихъ явленіяхъ, что я невольно приковалъ къ ней все свое вниманіе. Мало по малу туча совершенно приблизилась къ намъ и накрыла всю долину; закапалъ дождь, посыпался градъ величиною болѣе орѣха, а я все сидѣлъ у дверей своихъ и любовался этой страшной картиной. Вдругъ заревѣлъ ураганъ. Не успѣлъ я подвинуться съ мѣста, какъ съ трескомъ повалилась наша юрта, и войлоки понесло по чистому полю; деревянная дверь въ двухъ какихъ-нибудь верхкахъ пролетѣла мимо моего лица. Одного изъ товарищей моихъ сбросило со стула и кинуло подъ столъ, я бросился бѣжать изъ подъ развалинь. Но вихрь поднималъ меня на воздухъ и я долженъ былъ схватиться за одну повозку. Ни одна юрта не уцѣлѣла; все раз стало по равнинѣ. Надобно замѣтить, что юрта наша не такъ легка, какъ алатк: одн юрта едва увозится тремя вея блюдами.— и та алатка была поднята на воздухъ. Многія изъ нашихъ повозокъ покатались по чистому полю, какъ будто въ нихъ были запряжены лихія тройки. Два тарантаса, не смотря на всю тяжесть свою, были опрокинуты вверхъ дномъ. Мы едва могли найти безопасное мѣсто, гдѣ хоть сколько-нибудь можно было бы защититъ себя отъ вѣтра, проливнаго дождя и граду, который билъ до крови. И эта страшная буря случилась четвертаго августа въ 7 часу, именно въ то самое время, когда назадъ тому пять лѣтъ, я спокойно подѣзжалъ къ мирной Троицкой лаврѣ. Какова противоположность!

И теперь помню я это блаженное время; и теперь еще вижу, какъ предо мною, когда мы поднялись на послѣднюю гору предъ лаврою, вдругъ открылась величественная картина Троицкой обители! Золотыя главы на Успенскомъ соборѣ величаво возносились надъ прочими лаврскими здавіями; заблѣлись и стѣны монастырскія, слышенъ былъ даже бой часовъ на колокольнѣ, на шпигѣ которой догоралъ послѣдній лучъ закатившагося солнца и своимъ розовымъ блескомъ обливалъ золотой крестъ. „Мы дома“, сказалъ братецъ. „Такъ это лавра!“— вскричалъ я, и глаза мои, при видѣ новыхъ предметовъ, не знали, на чемъ сосредоточить свое вниманіе. Тогда въ первый разъ я оставилъ свое родное теплое гнѣздышко и, какъ дитя, любовался всѣмъ, что ни попадалось мнѣ на глаза. Въ первый разъ еще видѣлъ я горы, покрытыя лѣ-

сомъ, въ первый разъ взбирался на нихъ, и мнѣ мечталось, что я увидѣлъ другой мѣръ, что здѣсь и небо совсѣмъ другое; даже заря, которая розовой полосой раскинулась по голубому небу, казалась мнѣ лучше той, какую видалъ я въ Костромѣ. Минуло пять лѣтъ, и я дѣйствительно увидѣлъ другой мѣръ: я путешествовалъ уже не по Ливавскимъ (?) горамъ, а по каменистымъ стопамъ и хребтамъ Монголіи! Какъ различно то и другое мое странствованіе!

Но прошедшее слишкомъ уже далеко, всего ближе теперь Гоби, и я вамъ расскажу еще объ одной бурѣ. Разъ, по словамъ Пушкина, ночь была тюрьмы чернѣй, а на дворѣ шумѣла буря: несмотря на то, мы спали очень спокойно. Только около полуночи вѣтеръ разыгрался въ полной силѣ; дождь лилъ какъ изъ ведра; наша юрта долго боролась съ вихремъ и, наконецъ, отъ вѣтра и тяжести намокшихъ войлоковъ рушилась прямо на насъ; сонные, едва помня себя, насилу выбрались мы изъ подъ перекладинъ и мокрыхъ войлоковъ. Къ несчастію, на дворѣ было такъ темно, что мы съ полчаса не могли отыскать другія свои юрты и въ рубашкахъ, босые, подъ ужаснѣйшимъ дождемъ и вѣтромъ скитались мы по полю, не смотря на то, что наша юрта была отъ насъ только въ нѣсколькихъ саженьяхъ. Не знаю, дорожной ли стужѣ, укрѣпляющей тѣло, или воздуху, который необыкновенно свѣжъ и чистъ, должно приписать то, что мы до сихъ поръ, не смотря и на такіе несчастные случаи, которые, кажется, въ другомъ мѣстѣ могли бы имѣть самое пагубное вліяніе на насъ, до сихъ поръ всѣ живы и здоровы. Вотъ по крайней мѣрѣ одна сторона, и притомъ весьма важная, съ которой мы можемъ порекомендовать степь! Впрочемъ, многое, думаю, зависитъ и отъ времени года. Если бы намъ пришлось странствовать по этой ужасной пустынѣ въ концѣ осени, когда непогода и холодъ здѣсь совершенно изнуряютъ все живущее, и движущееся, то, вѣрно, и съ нами бы случилось подобное. Что бы еще сказать вамъ въ похвалу пресловутой Гоби? Да! Если эта степь бѣдна въ зоологическомъ и ботаническомъ отношеніи, то она богаче другихъ мѣстъ въ минералогическомъ: мѣстами на песчаной дресвѣ много попадается довольно хорошихъ сердоликовъ, халцедоновъ, яшмы, опаловъ и низкихъ агатовъ. Я собралъ первыхъ довольно много, — можетъ быть, въ Пекинѣ сдѣлаю изъ нихъ

какое нибудь употребленіе. Болѣе, кажется, нечего сказать ни про ни contra степи. Надобно только замѣтить, что мы до сихъ поръ странствовали по верхней части Гоби и только съ будущихъ станцій вступимъ въ среднюю или низшую полосу Гоби, которая у китайцевъ называется Шамо, или песчаное море. Эта монгольская Сахара главнымъ образомъ простирается къ Западу, и намъ по ней придется сдѣлать не болѣе десяти или 12 переѣздовъ. За Шамо до Калгана степь уже будетъ походить опять на то, что мы проѣхали.

Вотъ вамъ очеркъ моего странствованія. Если онъ не занимателенъ, то, по крайней мѣрѣ, вѣренъ и искрененъ. Я нарочно не скрывалъ отъ васъ о неудобствахъ и трудностяхъ нашей дороги и описалъ ихъ въ подробности, для того, чтобы вы, основываясь на моемъ молчаніи, не преувеличили ихъ. Ради Бога, не безпокойтесь много о нашей дорогѣ: среди многолюдства не такъ ощутительны такія неприятности, а когда онѣ пройдутъ, то объ нихъ остается одно только пріятное воспоминаніе. Мы уже совершили половину дороги и, надобно сказать, что наше путешествіе, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ было и спокойнѣе и скорѣе прежнихъ. Помогите, Господи, добраться до Калгану, а тамъ какъ по маслу скатимся и въ самый Пекинъ.

Не кончить ли мнѣ уже свое письмо? я думаю вамъ уже наскучило читать такую галиматью?—Вѣроятно, вамъ привелось сдѣлать нѣсколько дневокъ при такомъ трудномъ путешествіи чрезъ мое длинное посланіе, убитое мелкими и самыми неразборчивыми гіероглифами? Но позвольте мнѣ вполнѣ истощить ваше терпѣніе! Я хочу воспользоваться еще остающимся небольшимъ клочкомъ времени до отправленія писемъ и написать вамъ хоть что нибудь о жителяхъ той страны, по которой мы ѣдемъ, мнѣ долго не придется уже писать къ вамъ, такъ въ одинъ разъ напишу вдоволь.

Монголы и по своему происхожденію, и по своему внѣшнему виду, и по религіи, и по языку, однимъ словомъ, по всему родные братья нашихъ Бурятовъ. Только тотъ, кто хорошо изучилъ фізіогноміи тѣхъ и другихъ, можетъ легко различать ихъ. На лицахъ монголовъ болѣе видно слѣдовъ кочевой жизни. Фізіогноміи ихъ несравненно рѣзче

и выразительнѣе, нежели у Бурятъ и, вообще, во всѣхъ движеніяхъ у монголовъ болѣе энергіи. Монголь говоритъ всегда очень быстро, такъ что незнающій монгольскаго языка можетъ разслушивать одни только звуки, но не слова; но, не смотря на то, его рѣчь оживленна и сильна, слова его всегда сопровождаются тѣлодвиженіями, которыми онъ хочетъ, такъ сказать, дояснить смыслъ своихъ выраженій. Въ нашихъ Бурятахъ не замѣтно такой энергіи, хотя и они иногда выказываютъ много живосги. Даже самое внѣшнее выраженіе ихъ, самое лицо у монголовъ мнѣ показалось гораздо лучшимъ и болѣе благороднымъ, нежели у нашихъ инородцевъ. Между монголами можно находить весьма красивыя фізіогноміи, особливо у тѣхъ, которые нѣсколько выше прочихъ поставлены по своему политическому положенію. Въ главныхъ, впрочемъ, чертахъ очень замѣтно родовое тождество тѣхъ и другихъ. Монголы отличаются особеннымъ любопытствомъ, какъ и всѣ вообще народы, находящіеся еще въ младенческомъ состояніи. На каждой станціи они толпами собираются около нашихъ юрть и въ этомъ случаѣ не соблюдаютъ никакихъ европейскихъ приличій, а потому иногда довольно скучными дѣлаются ихъ посѣщенія. Войти въ юргу — у нихъ дѣло священное, и потому каждый изъ нихъ приходитъ къ намъ и, сказавши „менду“ (здравствуй), преспокойно садится, не обращая на то вниманія, пріятенъ ли для другихъ или нѣтъ его приходъ. Часто набирается ихъ полная юрта, и они готовы пересмотрѣть каждую вещь, если вы, выведенные уже изъ терпѣнія, не скажете ему — „дзайла“ (подите вонъ). Впрочемъ, они не такъ стыдливы и не посовѣстятся придти къ вамъ въ другой разъ. Если кому нибудь изъ нихъ понравится какая нибудь вещь, то онъ тотчасъ предложитъ, не угодно ли будетъ вамъ промѣнять ее, т. е. другими словами: не подарите ли ему? Кажется, весь Востокъ чрезвычайно приверженъ къ подаркамъ. Начиная съ самыхъ высшихъ, до самыхъ низшихъ монголовъ всѣ они большіе охотники до подарковъ. Обыкновенно каждому Кундую и Занчину(?), — помощнику станціоннаго смотрителя и станціонному смотрителю, и всѣмъ Тал.... сопровождающимъ насъ отъ одной станціи до другой, по распоряженію Китайскаго правительства, послѣ cadaго переѣзда

дѣлаются подарки. Впрочемъ, эта страстишка довольно сильна и у нашихъ Бурятовъ, да и у Русскихъ она еще осталась. Одна черта въ монголахъ мнѣ особенно понравилась. Если вы дадите хоть небольшой кусочекъ чегонибудь, монголъ непременно раздѣлитъ его между всѣми товарищами, сколько бы ни было ихъ. Такого братскаго дѣлежа я не видалъ между Бурятами.

Монголы уже утратили свой воинственный характеръ и болѣе походятъ на кочующихъ пастуховъ, нежели на тѣ страшныя орды, которыя такъ побѣдоносны были въ древнія времена. Все вооруженіе ихъ состоитъ изъ лука и стрѣлы, но и тѣмъ слабымъ оружіемъ, по словамъ казаковъ нашихъ, довольно искусныхъ въ этомъ дѣлѣ, они не совсѣмъ искусно дѣйствуютъ. Даже въ нихъ замѣтно какое то отвращеніе отъ всякаго холоднаго оружія и страхъ. Въ Ургѣ, при одномъ стукѣ казацкой сабли, гремящей о камни, любопытные разбѣгались. При видѣ поднятаго ножа монголъ трепещетъ. Такое истребленіе въ нихъ воинскаго духа, такой странный переворотъ въ ихъ жизни произвела не одна Китайская политика, которая сильно давила ихъ, но и Буддизмъ, сильно возстающій прогивъ всякаго кровопролитія. Они мало даже занимаются и звѣроловствомъ, которое могло бы поддерживать въ нихъ страсть къ войнѣ. Буддизмъ глубоко пустилъ свои корни въ этой странѣ, и монголы несравненно болѣе привержены къ своей религіи, нежели Буряты. Множество ламъ, которыхъ, кажется, болѣе, нежели простыхъ монголовъ, стараются поддерживать свою вѣру. Эти ламы, по справедливости, могутъ назваться язвою здѣшняго края. Весьма многіе изъ нихъ живутъ въ собственномъ смыслѣ на счетъ другихъ и, такимъ образомъ, изнуряютъ и безъ того бѣдныхъ жителей. Но, живя по большей части въ праздности, могутъ ли быть они хорошими учителями нравственности?..

Все богатство монголовъ состоитъ въ верблюдахъ, лошадяхъ и стадахъ барановъ. Верблюду у него отпращиваетъ всевозможныя должности. Его запрягаютъ и въ повозку, на немъ переносятъ юрты, на немъ ѣздятъ и верхомъ. Съ услугами, которыя оказываетъ монголу это животное, можетъ спорить одна лошадь, безъ которой онъ не можетъ даже жить... Но время заставляеть меня пе-

волью бросить перо. Сейчасъ я долженъ отдать свои письма, и потому простите, простите, простите до слѣдующаго моего и вашего письма. Ахъ, скоро ли я буду читать ваши строки? Ради Господа Бога, пишите мнѣ все поподробнѣе, всѣ даже мелочи. Братецъ Александръ Васильевичъ, напиши ради Христа о ученыхъ новостяхъ, особливо по части исторической. Вотъ ужъ почти цѣлый годъ какъ я не читалъ ни одного новаго сочиненія. Что дѣлается у философовъ нѣмцевъ? Сдѣлай милость—напой жаждущую душу. Письмо твое будетъ для меня ученымъ журналомъ и богатымъ праздникомъ.
